

Московский педагогический государственный университет

Проблемы филологии народов Поволжья

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
(1–2 апреля 2010 г.)

Выпуск 4

Москва–Ярославль
Ремдер
2010

ББК 81.2 рус -3+83.3 (2 Рос)
УДК 808.2 + 820/89.09

Редакционная коллегия:

К.ф.н., профессор А.А. Баранникова;
Д.ф.н., профессор И.Г. Добродомов;
К.ф.н., доцент Л.Г. Латфуллина;
Д. ф.н., профессор А.Т. Сибгатуллина (ответственный редактор).

Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (1–2 апреля 2010 г.). /отв. редактор А.Т. Сибгатуллина. – Вып. 4. – М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – 300 с.

ISBN 978-5-94755-241-6

Печатается по решению Ученого совета филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

© Авторы материалов, 2010.

© Отв. редактор А.Т. Сибгатуллина, 2010.

© Филологический факультет МПГУ, 2010.

деляются как поверья (ёнену), быличкам (тёшмёш халапё), песня (юрă), обряд (йăла), пословицы и поговорки (ваттисен сăмахё), наговор (чёлхе).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ашмарин, Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса / Н.И. Ашмарин. – Казань, 1903. Часть 1. С. 254.
2. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. I–XVII т.т. / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары, 1928–1950.
3. Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. и др. Схема описания мифологических персонажей / Л.Н. Виноградова // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. – М., 1989.
4. Золотницкий, Н.И. Корневой чувашско-русский словарь / Н.И. Золотницкий. – Казань, 1865.
5. Магницкий, В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881 Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Т. 6: Мифсемпе халапсем. – Шупашкар, 1987.
6. Наумов, Н. Ырăсемпе хаярсем: Мифологи словарĕ / Н. Наумов // Хыпар. – 1993.
7. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996.
8. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Т. 5: Вак жанрсем. – Шупашкар, 1985.
9. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Т. 3: Юрăсем. – Шупашкар, 1978.
10. НА ЧГИГН, I, 154, 364 л..

Ильина Н. В. (Ижевск)

Тема любви в лирике бесермянского поэта Михаила Федотова

Творчество бесермянского поэта М. Федотова (1958–1995) тесно вплетено в общий литературный процесс конца XX века и отражает кризисность мироощущения человека этой эпохи. Основным инвариантом его поэзии является тема боли в самом широком понимании (боль одиночества, отчужденности, потери ориентиров и т. д.) и преодоления этой боли через путь поиска некоего абсолюта (истины, идеала), реализующегося в его творчестве через систему мифопоэтических образов – дороги, зовущего горизонта, *мукет шаер* «край иной» и др. Своего рода земным воплощением этого идеала становится также образ возлюбленной. Именно она – любимая – спасает лирического героя от того страшного мира непонимания и холода, который окружает его, ибо она является одной из ипостасей того абсолюта, к которому он стремится: *Мед шузи-мом на гажан сурмын, / Ма, чош ук, ма, медло йырма бергамон! / Соку буйгатскоз, дыр, сьлтӧл урамын, / Шедьтэм сюресэн воштӧськоз йыромон* «Да пусть сойдем с ума еще раз в любовном угаре, / Мы ведь вместе,

и пусть кружится голова! / Может, тогда уляжется непогода, / И найдется потерянная дорога»¹ [Федотов 1998: 37].

Создавая образ возлюбленной, М. Федотов актуализирует архаические представления о женщине как источнике жизни, природно-естественном начале. В ранних стихотворениях М. Федотова его возлюбленная максимально растворена в природе. Сопричастность возлюбленной к миру природы подчеркивается на уровне традиционной фигуральной образности: *Мумид тыныд ваиз чебер улон, / Кызыту нүлэс сөтүз веськрес мугор, / Инбам кузьмаз чагыр-чагыр синьёс, / Шунды вешаз-буяз йырсиостэ, / Удмурт калык сизиз шырым сюлэм* «Твоя мама подарила тебе жизнь, / От березовой рощи ты получила стройное тело, / Небо подарило тебе голубые-голубые глаза, / Солнце покрасило-приласкало волосы, / Народ удмуртский пожелал доброго сердца» [Федотов 1988: 82]. Думается, что здесь и в ряде других случаев нарочитая традиционность образов свидетельствует о сознательной установке поэта на стилизацию под фольклор, стремление мыслить, говорить, творить категориями народной поэзии, которая, в свою очередь, видит человека только в гармоничном единстве с окружающим миром.

Идея естественности, «природности» любви выражается также в пейзажном характере большей части любовной лирики М. Федотова раннего периода. Выделяется целый ряд стихотворений, где соединение с любимым человеком происходит на фоне природы. При этом одним из излюбленных федотовских мотивов становится взаимосвязь любви, труда, природы. Последнее особенно ярко проявляется в стихотворениях, сюжетная канва которых построена на мотиве совместного сбора грибов или ягод: *Нош тон ышид / Гырлысяська пöлы. / Чуж дэремед пиштэ шунды шорын. / Нокин, лэся, öвöл дунне вылын. / Губи, намер / Но асьмеос кушын* «А ты исчезла / Среди колокольчиков. / Желтое платье мелькает на солнце. / Кажется, никого нет на свете. / Грибы, костяника / И мы с тобой на поляне» [Федотов 1988: 65]. Здесь и в ряде других стихотворений, отдаленно напоминающих древнегреческие буколики, отношения между лирическим героем и его возлюбленной изображены очень целомудренно. Об их чувствах, физической близости мы можем только догадываться. Однако вся сцена пропитана скрытой эротикой, ибо, выражаясь словами М. Окутюрье, сказанными о другом поэте, «любовная энергия как бы перенесена на окружающий мир» [Окутюрье 1998: 74] и выражается через совместный сбор ягод или грибов. Справедливости ради следует отметить, что образы грибов и ягод издавна символизируют эрос и недвусмысленно намекают на взаимоотношения молодых людей. Представление о любви, которая сродни гармонии в природе, в полной мере выражено также в стихотворениях, реализующих мифологему реинкарнации или метаморфозы, где на метафорическом уровне герой и его возлюбленная сливаются с природным окружением и о своей любви гово-

¹Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

рят через знамения небесных светил, прикосновения трав и т. д.: *Вазь вылэ мон лэзисько но / Турынлы пöрмо. / Вож буртчин модосэным мон / Пыдъёстэ думо* «Я опущусь на землю на лугу / И превращусь в траву. / Зеленым шелковым стеблем / Опутаю твои ноги» [Федотов 1988: 74].

Однако, подобно библейскому блудному сыну, взрослея, лирический герой М. Федотова, постепенно удаляется от мира природы, частью которого является его возлюбленная, и погружается в окружающий его хаос современного города, оказавшись в мире которого, он сам становится его носителем. Поэтому, если раньше любовь была целомудренна и гармонична, то теперь она греховна и приносит страдания: *Югытлэсь но жоггес лобзисько, / Кытын ке но вите быронэ. / Мон йырма чогыны сётисько – / Йыраем, берамем курбонэд* «Быстрее света лечу туда, / Где ждет меня моя гибель. / Даю я голову на отсечение – / Твоя заплутавшая, запоздавшая жертва» [Федотов 1991: 91]. Любовь-гармония превращается в любовь-боль, любовь-насилие, на первый план выносятся грубое животное начало физической любви: *Соку, вылды, тонэ валай, / Сюпси, юи, кöня ворми! / Мон сурымзи, кудзи – талай, / Бордад мон кый выллем бурми!* «Тогда, быть может, понял я тебя, / И я сосал и пил, как мог! / Я угорел, я опьянел – украл, / К тебе, как змей, прирос!» [Федотов 1998: 69]. Но именно поэтому любовь лирического героя омрачена также чувством вины и стыда: *Нош вазь чукна ик мон сайкай, / Мугор улын нюръям турыи. / Малы меда тонэ лушкай? / Тон шудогес вал со дорын* «А ранним утром проснулся, / Под нами прижатая трава. / Зачем же я тебя украл? / Ты с ним была счастливее» [Там же].

Как же ведет себя возлюбленная героя? Она покидает его, превращаясь в идеал, воспоминание о былом счастье и гармонии. Строки, посвященные этому периоду в жизни лирического героя, отличаются тонким психологизмом и через символику деталей раскрывают всю гамму чувств, охватывающих героя – боль, одиночество, ревность, гордость, прощение, смирение: *Мон уг усъы жуужыт куртисьтым, / Куакапи кадь, тынад пыд улад. / ... / Нош юо мон, юо горд вина, / Но тонэ ас поннам малпало. / Зуқырак вазьылйсь öс янак / Тынэсьтыд лыктэмдэ возъмалоз* «Я не выброшусь из моего высокого дома, / Подобно вороненку, к твоим ногам. / ... / А буду пить я красное вино / И думать про тебя. / Скрипящая дверь / Будет ожидать твоего прихода» [Федотов 1991: 98]. Но этот уход оказывается спасением для лирического героя, ибо, снова обретая черты идеала, она спасает его, открывая путь к катарсису. Напряжение, возникшее между полюсами, создает ту положительную энергию, которая движет лирическим героем на его пути к идеалу: *Кошкиськод, ярам ини, ярам ни, / Мар карод, сыче, дыр, адзонэ. / Ышемед бере со сьöд карам но / Син азям возе на мон тонэ* «Раз уходишь, пусть так будет, пусть, / Такова, видать, моя судьба. / Ты уйдешь, и в моей черной норе / Твой облик будет перед моими глазами» [Федотов 1998: 67]; *Тон Инмаре мынам, тон –*

Инмаре! / Уно-а бен кулз кылбурчылы?/ Одйг шапых гинз со сюрворе – / Пбсь шуныттз аслаз сюрэмезлы «Ты мой Инмар (бог – Н. И.), ты – мой Инмар! / Да разве много нужно для поэта? / Лишь одного он просит – / Горячего тепла для своего сердца» [Федотов 1998: 39]. И возлюбленная в очередной (который!) раз спасает его, озаряя своим светом и помогая таким образом преодолеть зло: Туннэ мон дась вунэтыны / Та улонысь шушсэ, лексэ, / Яратыны но кулыны, / Куке шудбур тонэ лексе «Сегодня я готов забыть / Из этой жизни все безобразное, злое, / Любить и умереть, / Когда счастье тебя настигает» [Федотов 1991: 89].

Таким образом, тема любви является одной из ведущих тем в лирике М. Федотова и проходит через все этапы его творчества. Поэтом фиксируются различные формы проявления любви – восторженная юношеская любовь, любовь-боль, любовь, отягощенная чувством вины, любовь-прощение, любовь-милосердие и т. д. – каждая из которых соответствует тому или иному этапу в «биографии» лирического героя. Открывая новые грани переживаний, рисуя мир взаимоотношений между мужчиной и женщиной времен «конца века», сочетая глубину психологизма с философским началом, любовная лирика М. Федотова значительным образом обогащает удмуртскую поэзию.

ЛИТЕРАТУРА:

- Окутюрье М.* Пол и «пошлость»: Тема пола у Пастернака // Пастернаковские чтения: Вып. 2. М.: Наследие, 1998. С. 71–81.
- Федотов М. И.* Тоды юсьёс берто. Устинов: Удмуртия, 1986. 60 с.
- Федотов М. И.* Берекет: Выль книга. Ижевск: Удмуртия, 1988. 108 с.
- Федотов М. И.* Вдсь: Выль кылбурёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.
- Федотов М. И.* Вирсэр. Пульс: Кылбурёс. Стихи / Составление А. В. Федотовой; Перевод В. И. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 1998. 216 с.

Исмагилова С.Г. (Елабуга)

Инновации в преподавании татарской литературы

Инновационный подход к преподаванию любой школьной дисциплины, в том числе татарской литературы – явление не новое. Но со временем менялись запросы общественной жизни к школе. Вспомним опыт учителей Липецкой области, Татарстана, Ленинграда, педагогов-новаторов. Далее происходило совершенствование в системе образования: дифференциация, интеграция, модернизация, интенсификация, гуманизация, демократизация, компьютеризация, технологизация, введение интертехнологий в организацию обучения и др., что не миновало и проблем преподавания татарской литературы в татарской школе.